

Г. В. Любимова

**ЭМОЦИИ, РОЖДЕННЫЕ СНЕГОМ
(О ВОСПРИЯТИИ СНЕГА И СВЯЗАННЫХ С НИМ ПРАКТИК
В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКИХ СИБИРИ)**

АННОТАЦИЯ. В отличие от русской классической литературы, где теме снега обычно сопутствуют мотивы сна, забвения, инобытия и быстротечности земной жизни, в русской народной традиции негативные коннотации в отношении снега практически отсутствуют. На основе полевых и архивных материалов с привлечением данных краеведческой литературы рассматриваются особенности восприятия снега и связанных с ним практик в культуре русских сибиряков. Последовательно раскрываются значения концепта «снег» в фольклорных жанрах и формах обрядово-игрового поведения, приуроченных к периодам святок и Масленицы. Анализируются случаи упоминания снега в текстах колядок, быличек, подблюдных песен и приговорных формул, а также способы его ритуального использования в девичьих гаданиях, играх ряженых и святочных обходах дворов, обозначавшиеся выражениями «сеять», «пахать», «полоть», снег, «блины печь», «мукой торговать» и т. п. Особое внимание уделяется брачной символике масленичных забав и увеселений, в том числе традиционному состязанию русских сибиряков, известному под названием «взятие снежного городка». Делается вывод, что семантика снега в культуре русского населения Сибири, имевшая непосредственное отношение к аграрно-производящей сфере, определила тот спектр положительных эмоций, которыми сопровождалось упоминание снега в фольклорных жанрах и его использование в ритуальных практиках.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русские Сибиря, традиционная культура, семантика снега, чувства, эмоции, ритуальные практики

УДК 159.943.3:39(=161.1)(571.1/.5)

DOI 10.31250/2618-8619-2018-2-104-110

ЛЮБИМОВА ГАЛИНА ВЛАДИСЛАВОВНА — к.и.н., с.н.с., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)

E-mail: terra-gl@mail.ru

Будучи неперменным атрибутом русской зимы, снег относится к числу наиболее устойчивых ассоциаций, имеющих отношение не только к Сибирскому региону, но и к России в целом. Восприятие его как неотъемлемой черты русского национального пейзажа начало складываться уже в первой половине XIX в. и было связано с формированием представлений об общерусской национальной идентичности. Попытки вывести универсальный этнонациональный психотип (в данном случае — русский национальный характер) исходя из особенностей природного окружения, в том числе утвердившегося в массовом сознании стереотипного образа России как «страны холода и бескрайних заснеженных просторов», породили многочисленные спекуляции на тему «загадочной русской души». Достаточно вспомнить религиозно-философские суждения Николая Бердяева о находящейся во власти огромных географических пространств русской душе, подавляемой «необъятными русскими полями и необъятными русскими снегами», душе, которая буквально «утопает и растворяется в этой необъятности» (Бердяев 1918: 62–63).

Подобные примеры можно обнаружить не только в сочинениях философско-публицистической направленности, но и в художественной литературе и этнографической беллетристике. Так, в посвященной Туруханскому краю книге автор дает весьма нелестную характеристику местному населению, отличавшемуся, по его словам, «тупостью, беспечностью и подобострастием». При этом выявленные качества расцениваются им как неизбежное следствие условий, в которых крестьянские дети оказываются с первых дней своей жизни: «грязь, сумрак и теснота избы... однообразное завывание ветра во время бесконечной суровой зимы... печальная снежная равнина, не привлекающая взора» — все это, как сказано в описании, притупляет чувства ребенка и замедляет его развитие (Третьяков 1871: 154).

Несмотря на попытки уйти от негативных коннотаций и создать лучезарный образ русской зимы, которые наблюдались уже в творчестве Александра Пушкина (ср.: «Под голубыми небесами / Великолепными коврами, / Блестя на солнце, снег лежит...»), в целом за темой снега в русской пейзажной лирике закрепились мотивы сна, смерти, забвения, инобытия и быстротечности земной жизни. В отличие от русской классической литературы отношение к снегу в народной традиции характеризуется совсем иным спектром эмоций. Однако, несмотря на разнообразие ритуальных контекстов, данная тема не получила широкого отображения в этнографических исследованиях, не говоря уже об исследованиях по истории эмоций, в которых этнографический анализ традиционных практик со снегом мог бы пролить дополнительный свет на трансформации эмоциональных моделей, связанных с освоением природной среды и российских национальных ландшафтов — направления, практически не представленного в отечественной гуманитарной литературе (Виницкий 2012: 441–460).

На основе авторских полевых сборов, проводившихся в южных районах Западной Сибири, архивных материалов по сибирским губерниям, отложившихся в РГО, а также этнографических сведений, почерпнутых из сибирской краеведческой литературы, в статье рассматриваются особенности восприятия снега и связанных с ним ритуальных практик в культуре русского населения Сибири. Работа опирается на концепции, выработанные в рамках такого гуманитарного направления, как история эмоций, исследующего вопросы разных «эмоциональных стандартов» прошлого, а также общего вектора в развитии эмоциональной культуры (движется ли общество к усилению контроля и стандартизации или, наоборот, к либерализации и демократизации чувств)? (Stearns et al. 1985: 813–836; Reddy 1997: 327–351). Наиболее близким к целям настоящего исследования представляется подход Барбары Розенвейн, которая ввела и обосновала идею «эмоциональных сообществ», рассмотренных ею на примере раннего Средневековья (Rosenwein 2006). На материалах отечественной истории эта идея получила развитие в трудах Андрея Зорина, в частности отмечавшего, что

эмоциональная культура русского образованного человека рубежа XVIII–XIX вв. отличалась от крестьянской эмоциональной культуры, и предложившего выделять значимые для разных сообществ эмоциональные матрицы (Зорин 2016).

В качестве примера, имеющего непосредственное отношение к теме заявленного исследования, можно привести предпринятый Максимилианом Волошиным анализ знаменитой картины В. И. Сурикова «Взятие снежного городка» (1891), отразившей одно из любимых масленичных развлечений русских сибиряков. По живописным достоинствам и эмоциональному накалу эта картина принадлежит к числу лучших произведений художника. Созданная автором на основе ярких впечатлений детства, прошедшего на берегу Енисея, она великолепно передает не только отдельные детали праздника, но и всю его атмосферу.

В суриковском «Городке», отмечает Волошин, ясно можно увидеть, с какой силой нахлынули на художника «бодрые и удалецкие воспоминания детства». Тут есть все — «и сани, и розвальни с их деревянными переплетами... и расписные дуги, и валдайские колокольцы, и цветные валенки, и тулупы, и дохи, и меховые шапки, а главное — родные сибирские лица, цельные, крепкие, освещенные радостными улыбками, чуждые каким бы то ни было душевным драмам, раздвоениям и надрывам» (Волошин 1985: 131–132). Стремясь передать впечатления от «веселого буйства народной жизни», воплощенного в картине, работа над которой помогла Сурикову преодолеть тяжелейший творческий кризис, связанный с безвременной кончиной жены, Волошин невольно противопоставил стереотипные представления о специфике эмоционального восприятия окружающего мира, характерные, как считалось, для представителей высших и низших сословий русского общества XIX в. (цельное, бодрое и радостное, с одной стороны, vs надрывное, раздвоенное и драматическое — с другой). Вместе с тем отношение к такой природной субстанции, как снег, в русской народной традиции действительно отличалось от тех коннотаций, которыми наделялся данный концепт в русской классической культуре.

Известно, что православное крестьянство России воспринимало любые дары природы как награду Господа за тяжелый труд. Такие атмосферные явления, как дождь, град, буря, расценивались в народе как выражение милости Божьей либо как знак кары Господней за соблюдение или нарушение установленных запретов и предписаний. Еще в конце XIX в. русские крестьяне полагали, что запасы небесной влаги хранятся на небе в «чанах с водой и мешках со снегом, градом и крупой», которыми «заведуют» ангелы, открывающие и закрывающие в небесной тверди дырки для дождя и других осадков (Бернштам 2002: 261–262). Повсеместно считалось, что погодные условия целиком определяются «по грехам и молитвам» людей. Сибирские старообрядцы, к примеру, были убеждены, что «при уменьшении трудов в земледелии человек будет недостоин уже того, чтобы Господь ооджил его ниву» (Бузолин 1851: 3).

Началом зимы в Сибири, как и в России, считался Покров день (1 октября по ст. ст.). Своевременное наступление холодов рассматривалось при этом как залог будущего урожая. Вместе с тем само появление снега в народных воззрениях вызывало устойчивые ассоциации с началом свадебного сезона, что выражалось известными приговорными формулами: «Батюшка Покров, покрой землю снежком, а меня, молодую, женишком», «Белый снег землю покрывает, меня замуж снаряжает» и пр.

Одной из сфер ритуального использования снега являлись девичьи гадания. В этнографическом очерке «Поверья и обычаи Сургутского края», опубликованном в 1903 г., приводятся сведения о святочном гадании, носившем название «полоть снег». Сперва, как сказано в описании, девушка зачерчивает себя васильевским огарком, обводя круг «супротив солнца», «не по-божьи».

Затем «расстиляет на снегу пояс и, стоя на нем... трясет в подоле снег», приговаривая: «Полю, полю, белый снег... где мой суженый-ряженный, там мне почудится... быть в чужой стороне — колокольцы загреми али конь заржи, аль собачка злай; а быть мне умереть — заруби, затеши». Закончив гаданье, «расчерчиваются», то есть, обводят круг «по солнцу, по-божьи» (Неклепаев 1903: 130).

Согласно нашим полевым материалам, такой способ гадания был широко представлен у всех групп русского населения Сибири. Девушки-кержачки, к примеру, очертив круг, трясли в подолах снег, приговаривая: «Полю, полю белый снег, надоел мне батькин хлеб, залай, залай собачка на свёкровом дворе» (ПМА 1998). Потом падали на спину и слушали, где собака залает. Аналогичные способы были зафиксированы в других регионах, например в Приуралье, где действия со снегом обозначались выражением не «полоть», а «сеять снег»: «Сею, вею беленький снежок, где собачка забрешет, там мой женишок» (Бахматов и др. 2008: 167 и др.).

Обрядовые действия со снегом обыгрывались и в других жанрах святочного фольклора. Так, в репертуаре сказителей Русского Севера были выявлены былички под названием «Как сеяли снежок в святки». Выяснилось также, что на поздних этапах сибирской традиции широко были представлены детские колядки с зачином «Снежок сеем-посеваем», являвшиеся, по всей видимости, трансформацией колядных текстов, исполнение которых сопровождалось ритуальным посыпанием избы зерном (Любимова 2010: 74–78).

Еще одна область ритуального использования снега была связана с традицией святочного ряженья. В северных и центральных губерниях Европейской России снег использовался в качестве атрибута таких святочных игр, как «блины/шаньги печь» и «масло мешать» (Морозов, Слепцова 1993: 227–228; Лурье 2000: 197–199). В этих играх, носивших ярко выраженный эротический характер, снег выступает как некая субстанция, с помощью которой обыгрывался процесс приготовления блинов, символизируя не только тесто, обильно сдобренное маслом, но и муку. Прямое указание на то, что «снег раньше был мукой», содержится в болгарских народных воззрениях, согласно которым Господь превратил муку в снег, наказав женщину за то, что та «подтерла ею ребенка» (Плотникова 2012: 84).

Подтверждением коннотаций «снег — мука» могут служить сибирские материалы, в частности записанная в Тобольской губернии святочная игра под названием «мукой торговать». Как сказано в публикации конца XIX в., набрав в мешки снега, «толпа нарядчиков» отправлялась на вечерку «мукой торговать»: «высыплет среди комнаты мешков пять снегу, а вслед за этой толпой прибежит другая... Без торговли мукой, — заключает автор, — ни одна вечерка на святки не обходится» (Зобнин 1894: 62–63).

Наконец, нельзя не отметить зафиксированные в литературе сведения о том, что иногда ряженные приносят на вечерку борону, «по снегу сеют пепел... вываливают в избе снег и делают вид, что пашут» (Ивлева 1994: 92–93). Таким образом, к уже отмеченным способам имитации полевых работ на святках с помощью снега («полоть снег» и «сеять снег») добавляется обрядовое действие, обозначавшееся выражением «пахать снег». Рудименты ритуальной «пахоты» и «сева» сохранились в зимней обрядности многих европейских народов (Календарные обычаи 1973: 60, 110, 208, 290 и др.). Вербальным аналогом обрядовой пахоты и сева на святках являлись исполнявшиеся колядовщиками тексты, в которых крестьянские работы в поле освящались участием в них «высших сил» (Любимова 2004: 109–111, 114).

В отличие от святочного цикла, в котором тема снега была представлена достаточно фрагментарно, в масленичный период снегу отводилась едва ли не ведущая роль. Наличие снега выступало

важнейшим условием большинства праздничных увеселений, будь то катание с гор или устройство санного поезда, не говоря уже о любимой масленичной забаве русских сибиряков, известной под названием «взятие снежного городка». «Малоизвестная» в Европейской России игра получила за Уралом широчайшее распространение, став своего рода «визитной карточкой» сибирских масленичных гуляний. Все участники делились на две партии: одни — пешие, другие — верхом на конях. Первые защищают «город», «обороняясь хворостинами и метлами», вторые, «отъехав с полверсты, пускаются во весь мах» (Абрамов 1860: 49об.).

Характерной особенностью игры являлось своеобразное чествование победителя, нередко принимавшее форму настоящих истязаний. Прорвавшегося сквозь снежные ворота всадника, читаем в «заметках о сибирской маслянице», «догоняет толпа, стаскивает... с коня (и) “моет” в снегу — (то есть) наполняет комьями снега его шаровары, рубашку и пр.» Все это продолжается «до тех пор, пока победитель не потеряет сознания... Бывают при расправе с победителями-счастливыми и несчастными случаи — ломают (герою) руку или ногу... Затем везут его в деревню, приводят в чувство и поят вином, (причем) все присутствующие складываются на такое дело» (Новиков 1929: 175–176). На поздних этапах традиции подобные состязания, служившие своеобразной «проверкой сил» деревенской молодежи, играли роль обрядов посвящения (Горбунов 1994: 110; Любимова 2004: 135).

Приуроченные к Масленице «смотри» и разного рода общественные «испытания» (когда, к примеру, недавно поженившихся молодых зарывали в сугроб) также были связаны со снегом. Подобные действия обычно рассматриваются как проявление народной веры в положительное воздействие снега на здоровье человека и его способность к деторождению (Пашина 1998: 155–156; Плотникова 2012: 83–86).

Представленные материалы позволяют говорить о том, что семантика снега в русской традиционной культуре имела непосредственное отношение к аграрно-продуцирующей сфере. Выявленные ритуальные практики со снегом (прежде всего способы девичьих гаданий и варианты обрядово-игрового поведения ряженных), по сути, представляли собой различные этапы творения хлеба, начиная от символической имитации полевых работ (обозначавшихся выражениями «полоть», «сеять», «пахать» снег) и заканчивая приготовлением мучных изделий («блины печь», «масло мешать», «мукой торговать» и пр.). В то же время такие действия, как валяние в снегу, катание по снегу, обсыпание снегом, зарывание в снег и пр., призваны были, судя по обрядовому контексту, содействовать плодородию полей и чадородию людей. Подобное восприятие снега определило тот спектр положительных эмоций (в том числе таких, как радость, восторг, азарт и пр.), которыми сопровождались случаи упоминания снега в фольклорных жанрах и способы его ритуального использования в русской традиционной культуре Сибири.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- ПМА 1998. Болотнинский район, Новосибирская область.
- Абрамов Н. Географо-статистическое и этнографическое описание Ялуторовского округа, 1860 г. (Тобольская губ.) // Архив Русского географического общества. Р. 61. Оп. 1. № 23.
- Бахматов А. А., Голева Т. Г., Подюков И. А., Черных А. В. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор. Материалы и исследования. Пермь, 2008.
- Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1918.
- Бернштам Т. А. Русские легенды о сотворении мира в аспекте народного богословия // Христианство в регионах мира. СПб., 2002. С. 250–299.

Бузолин Ф. В. Очерк сельского хозяйства в Тюменском уезде, 1851 г. (Тобольская губ.) // Архив Русского географического общества. Р. 61. Оп. 1. № 29.

Виницкий И. Заговор чувств, или Русская история на «эмоциональном повороте»: обзор работ по истории эмоций // Новое литературное обозрение. 2012. № 117 (5). С. 441–460.

Волошин М. Суриков. Л., 1985.

Горбунов Б. В. Традиционные состязания за обладание снежной крепостью-городком как элемент народной культуры // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 103–115.

Зобнин Ф. К. Из года в год. Описание круговорота крестьянской жизни в селе Усть-Ницынском Тюменского округа // Живая старина. 1894. Вып. 1. С. 37–64.

Зорин А. Л. Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М., 2016.

Ивлева Л. М. Ряженье в русской традиционной культуре. СПб., 1994.

Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. XIX — начало XX вв. Зимние праздники. М., 1973.

Лурье М. Л. Ряженые-мастера на святках // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера. Петрозаводск, 2000. С. 195–202.

Любимова Г. В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири. XIX — начало XX вв. Новосибирск, 2004.

Любимова Г. В. Семантика снега в традиционной культуре русского населения Сибири (по материалам обрядов зимнего цикла народного календаря) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 3. С. 74–78.

Морозов И. А., Слепцова И. С. Праздничная культура Вологодского края. М., 1993. Ч. 1. Святки и Масленица.

Неклепаев И. Я. Поверья и обычаи Сургутского края. Этнографический очерк // Записки ЗСО РГО. 1903. Кн. 30. С. 29–230.

Новиков А. Несколько заметок о сибирской маслянице // Сибирская живая старина. 1929. Вып. 8–9. С. 175–178.

Пашина О. А. К вопросу о реконструкции семантики снега в русской традиционной культуре // Ученые записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова. 1998. Вып. 4. С. 153–161.

Плотникова А. А. Снег // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 2012. Т. 5. С. 83–86.

Третьяков П. И. Туруханский край, его природа и жители. СПб., 1871.

Reddy W. M. Against Constructionism: The Historical Ethnography of Emotions // Current Anthropology. 1997. Vol. 38, № 3. P. 327–351.

Rosenwein B. H. Emotional Communities in the Early Middle Ages. Ithaca, 2006.

Stearns P. N., Stearns C. Z. Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards // The American Historical Review. 1985. Vol. 90, № 4. P. 813–836.

**EMOTIONS EVOKED BY SNOW
(PERCEPTIONS OF SNOW AND SNOW-RELATED PRACTICES
IN THE TRADITIONAL CULTURE OF SIBERIAN RUSSIANS)**

A B S T R A C T. Snow is one of the most enduring associations, related not only to Siberia but to the whole of Russia. The perception of snow as an integral feature of Russian national landscape started to take shape in the first half of the 19th century and was due to the formation of the nationwide identity concepts. The stereotypical image of Russia as a “country of cold and vast snowy expanses” has spawned numerous speculations about the “mysterious Russian soul”. Examples of this kind can be found in philosophical and journalistic writings as well as in ethnographic works. Unlike Russian classical literature, where the theme of snow is usually accompanied by the motifs of sleep, oblivion, otherness and transience of earthly life, Russian folk tradition has almost no negative connotations related to snow. However, despite the diversity of ritual contexts, the topic has not been widely displayed in ethnographic research. Based on the author’s field materials, archival and published data, the paper discusses perceptions of snow in the culture of Russian Siberian old residents. It looks into the meanings of the concept in folklore, rituals and games practiced during the periods of the Christmas season and the pre-Lenten week in the Siberian folk calendar, as well as into the mentions of snow in Christmas songs, folk stories and spells and its role in girls fortune-telling practices and mummers games. The author concludes that ritual practices described by such phrases as “to plow”, “to sow” and “to weed” snow, “to trade flour” or “to bake pancakes” depict, in fact, different stages of bread creation (from symbolic simulation of the field works up to the baking process). Particular attention is also paid to marital symbolism of such pre-Lenten week amusements as the traditional Siberian contest known as “capturing the snowy fort”.

KEYWORDS: Russians of Siberia, traditional culture, semantics of snow, feelings, emotions, ritual practices

GALINA V. LYUBIMOVA — Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Novosibirsk)

E-mail: terra-gl@mail.ru